

Посессивные конструкции в самбургском коми*

П. С. Плешак

Университет Мэриленда, Колледж Парк (США); polinapleshak@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена выражению посессивных отношений в самбургском коми. На основе полевых материалов, собранных в с. Самбург, описывается инвентарь возможных посессивных конструкций, рассматриваются такие морфосинтаксические свойства, как маркирование зависимого и вершины, а также приводятся факторы, влияющие на выбор конструкции. Посессивное оформление вершины в самбургском говоре более обязательно, чем в литературном коми-зырянском. Кроме того, этот говор имеет больше ограничений на маркирование посессора. Помимо стандартного поведения посессивных аффиксов, в самбургском коми также обнаружился интересный пример изменения функций посессивного показателя POSS.ЗРЛ из обозначения множественности посессора в обозначение множественности обладаемого.

Ключевые слова: коми-зырянский язык, посессивные конструкции, семантические отношения, синтаксическая позиция ИГ, языковые изменения.

Possessive constructions of Samburg Komi

P. S. Pleshak

University of Maryland, College Park (USA); polinapleshak@yandex.ru

Abstract. This paper discusses the expression of adnominal possessive relations in Samburg Komi (Izhma dialect, Komi-Zyrian). Possessive relations are considered a part of the scale of different adnominal relations, with splits on that scale being language specific. One of the goals of this study is to identify the adnominal relations that pattern with the core possessive (kinship, body part, legal ownership) relations in their encoding. Based on the field data collected in the village of Samburg, I discuss the structural types of possessive constructions that can encode possessive relations in Samburg Komi. I consider such morpho-syntactic properties as case-marking of the dependent component and possessive marking on the head. Another goal of this study is to find out what morpho-syntactic and semantic factors affect the construction

* Работа поддержана грантом РФФИ № 16-24-17003.

choice. Finally, an additional goal is to compare these data to the standard variety of the Komi-Zyrian language. I show that only those relations that involve specific possessors can pattern with core possessive relations in Samburg Komi in terms of their encoding. Possessors can be marked with two types of the genitive case (the first and the second genitive) or with the nominative case. Samburg Komi also has a set of possessive markers that can attach to the head noun (possessum) and express the person and number of the dependent component (possessor). Combinations of these possibilities produce the whole range of possessive constructions. The two main factors influencing the choice of a construction are the animacy of the possessor and the syntactic position of the possessive noun phrase. Possessive marking of the head in Samburg Komi is more obligatory than in the standard Komi. Samburg Komi also has more restrictions on possessor marking. For instance, the only possible marking for specific possessors in non-oblique noun phrases is that by the genitive. Moreover, I show that one of the possessive markers (POSS.3PL) undergoes an interesting functional change: its functions shift from encoding the plurality of the possessor to the encoding of the plurality of the possessum.

Keywords: Komi language, possessive constructions, semantic relations, syntactic position of NP, language change.

1. Введение

Данная статья посвящена выражению посессивности в самбургском диалекте коми языка. Материалом исследования послужили данные коми-ижемского говора, собранные в с. Самбург Ямало-Ненецкого автономного округа зимой 2015 г. В связи с отсутствием необходимых для сопоставления данных литературного коми-зырянского языка и других разновидностей коми-ижемского мы не имеем возможности сказать, насколько самбургский говор отличается от них в описываемой области. Возможно, многое было бы возможно обобщить для коми-ижемского языка в целом, поскольку самбургский говор разделяет большинство ареальных черт, характерных для данного региона [Кошкарева и др. 2017: 8], например, с мужевским говором¹ [Бирюк и др. 2010]. Однако аккуратнее будет на протяжении всего описания учитывать то, что данные собраны именно в с. Самбург.

¹ На мужевском коми говорят в селе Мужы (Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО). Этот говор достаточно близок к самбургскому.

Посессивность принято разделять на атрибутивную (*дом Пети*), предикативную (*У Пети есть дом*) и на еще один тип, представленный в конструкциях с внешним посессором (*У Пети сгорел дом*). В данной статье мы ограничимся рассмотрением атрибутивной посессивности. О категории посессивности в коми существуют работы [Сидоров 1945; Sazhina 2005]. В книге об 1-овых падежах [Некрасова 2002] в рамках рассмотрения функций генитива дается описание различных способов маркирования посессора (но вопрос маркирования обладаемого не рассматривается подробно).

Нашей задачей является описание посессивных отношений как подвида отношений между двумя сущностями в именной группе (ИГ) в рамках подхода М. Копчевской-Тамм [Kortjevskaja-Tamm 2002]. Он предполагает наличие некоторой шкалы отношений: от ядерных посессивных, таких как родство (*мама Васи*) или часть тела (*рука Васи*), до периферийных, таких, как материал (*кольцо чистого золота*). В последнем случае зависимое уже не является референтным, и термин «посессор» применяется для него условно. Посессивными конструкциями называются те, которые кодируют ядерные посессивные отношения. В более широком понимании все отношения, выражаемые посессивными конструкциями, будут называться посессивными (для данного конкретного языка) [Kortjevskaja-Tamm 2003]. При этом в разных языках границы на шкале могут быть расставлены по-разному. Таким образом, набор посессивных отношений оказывается разным для разных языков.

В настоящей статье будет определено, какие отношения являются посессивными для самбургского говора коми-ижемского, а также будут изучены морфосинтаксические свойства самих посессивных конструкций в сопоставлении с другими типами ИГ.

Одной из особенностей коми-ижемского языка является то, что кодирование посессивных отношений может происходить не только посредством падежного маркирования зависимого, но также и при помощи присоединения к вершине специализированного лично-числового маркера — посессивного суффикса.

- (1) *Петя-лэн ни-ыс менам ёрт-э*
 Петя-GEN сын-Р3SG я.GEN друг-Р1SG
 ‘Петин сын — мой друг’.

Поскольку не всегда возможно четко провести границу между показателем посессивности и падежа, принято представлять их вместе,

в виде парадигмы посессивного склонения. Она представлена в Таблице 1².

Таблица 1. Парадигма посессивного склонения

Table 1. Paradigm of Possessive declension

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
NOM	-e	-yd	-ys	-num	-nyd	-nys
ACC	-es	-te	-se	-num-es	-nyd-te	-nys-se
INS	-nam	-nad	-nas	-nanum	-nanyd	-nanys
ESS/ILL	-am	-ad	-as	-anum	-anyd	-anys
EL	-s'um	-s'id / -s'yd	-s'is / -s'ys	-s'unum	-s'inyd	-s'inys
GEN	-e-len	-yd-len	-ys-len	-num-len	-nyd-len	-nys-len

Прочие падежные показатели, как и показатели родительного падежа (GEN), агглютинативно присоединяются к номинативным посессивным показателям.

В составе именной словоформы посессивные суффиксы располагаются в различных позициях в зависимости от падежа [Симоненко, Леонтьев 2012]. Локативные падежи предшествуют маркеру посессивности (I), тогда как прочие следуют за ним (II). Показатели аккумулятива с посессором единственного числа кумулятивны. В этом случае сложно говорить что-либо о порядке морфем, выражающих категории падежа и посессивности.

(I) N-PL-LocCASE-POSS

(II) N-PL-POSS-CASE

Все маркирование в именной группе осуществляется на крайне правом слове — вершине ИГ.

Данная статья имеет следующую структуру. В Разделе 2 рассматривается инвентарь возможных посессивных конструкций в самбургском коми: маркирование зависимого и вершины, а также порядок слов в именной группе и дискурсивные функции посессивного показателя. В Разделе 3 рассматриваются факторы, влияющие на выбор той или иной из возможных конструкций. В Разделе 4 рассматривается пример

² Парадигмой посессивных аффиксов самбургский говор не отличается от мужевского [Бирюк и др. 2010].

интересного изменения функций одного из посессивных показателей. В Разделе 5 подводятся итоги исследования.

2. Инвентарь возможных посессивных конструкций

Мы ограничимся рассмотрением таких ИГ, зависимыми в которых являются имена существительные (или имена прилагательные, образованные от существительных при помощи суффиксов-атрибутивизаторов) и личные местоимения. Помимо собственно посессивных, сюда включены и конструкции, кодирующие периферийные отношения в самбургском коми. Поведение таких зависимых, как прилагательные (непроизводные), кванторы, числительные и местоимения (все, кроме личных), в данной статье затрагиваться не будет.

2.1. Оформление зависимого

Зависимое имя («посессор» в широком смысле) в самбургском коми может быть оформлено различными способами.

1. **Первый генитив** (первый родительный падеж, GEN) *-лэн* (2) (ср. литературное *-лён*). У местоимений также имеется специальная форма для этого падежа (3).

(2) *Вася-лэн ай-ыс ол-э чомй-ын*
 Вася-GEN отец-Р3SG жить-PRS.3SG чум-ESS
 ‘Васин отец живет в чуме’.

(3) *менам ни-е воед-іс тундра-а*
 я.GEN сын-Р1SG пробежать-РСТ.3SG тундра-ILL
 ‘Мой сын уехал в тундру’.

2. **Второй генитив**³ (второй родительный падеж, GEN.O) *-лысь* (4) (ср. лит. *-лысь*). В [Бубрих 1955] он назван притяжательным падежом. У местоимений также имеется специальная форма для этого падежа (5).

³ Два генитива имеют различную синтаксическую дистрибуцию, более подробно это освещается в Разделе 3.3.

- (4) *төрүт сыа адьдьы-л-ис Вася-лысь ай-сэ*
 вчера он видеть-ITER-PST.3SG Вася-GEN.O отец-Р3SG.ACC
 ‘Вчера он видел Васиного отца’.
- (5) *ме тэнчюд пон-тэ и-г верд*
 я ты.GEN.O собака-Р2SG.ACC NEG.PST-1 кормить
 ‘Я не кормил твою собаку’.

3. Номинатив (именительный падеж, NOM)

- (6) *сыа ол-э ай-ыс керка-ын*
 он жить-PRS.3SG отец-Р3SG дом-ESS
 ‘Он живет в доме отца’.
- (7) *вёлось-я ныл-ыс ло-о невеста*
 село-ATR2 девушка-Р3SG быть-PRS.3SG невеста
ме ни-е-лы
 я сын-Р1SG-DAT
 ‘Девушка из села будет невестой моему сыну’.

4. Неоформленное имя (ABS⁴)

- (8) *көр яй зэй чөскыд*
 олень мясо очень вкусный
 ‘Оленье мясо очень вкусное’.

5. Атрибутивизатор (ATR2)

Атрибутивизатор может оформлять как единичное существительное (*вёлось* — ‘село’ в примере (7)), так и целую ИГ с зависимым (9).

- (9) *лöz синм-а ныы ныр-ис лавка-э*
 синий глаз.OVL-ATR2 девушка войти-PST.3SG магазин-ILL
 ‘Голубоглазая девушка вошла в магазин’.

В коми-зырянском выделяются несколько атрибутивизаторов, имеющих различную семантику [Лудыкова 2010]. Поскольку, как будет видно из дальнейшего изложения, конструкции с зависимыми, оформленными атрибутивизаторами, не являются собственно посессивными, подробное рассмотрение атрибутивизаторов выходит за рамки данной статьи.

⁴ Сокращение ABS восходит к обозначению в финно-угорской традиции неоформленной формы как абсолютной [Бубрих 1947]. Причины различения номинативного и неоформленного зависимых подробнее обсуждаются в Разделе 3.3.1.

2.2. Оформление вершины

Вершина (обладаемое) может маркироваться (1)–(5), (7) или не маркироваться (6), (8) посессивным показателем.

При детальном рассмотрении влияния различных факторов можно выделить четыре степени обязательности оформления вершины:

- 1) обязательное оформление посессивным показателем
- 2) возможное опущение посессивного показателя
- 3) факультативное присоединение посессивного показателя
- 4) невозможность оформления посессивным показателем.

При перечислении конструкций для более удобного чтения таблицы мы будем пользоваться бинарным противопоставлением: (1)–(2) обозначены как +POSS, (3)–(4) — как –POSS. Обязательность или невозможность в таблице не отражены.

Важно отметить, что в коми-ижемском засвидетельствовано непосессивное употребление суффикса P3SG, см. (10) [Кашкин 2008], характерное и для многих других родственных языков [Кузнецова 2003; Nikolaeva 2003; Брыкина, Судобина 2005; Simonenko 2014]. Его наличие зависит от референциального статуса ИГ и коммуникативной структуры высказывания и связано с идентифицируемостью референта в дискурсе (*identifiability* в терминах [Nikolaeva 2003]), а не обусловлено посессивными отношениями внутри ИГ.

- (10) *ме мун-і улича кузя и адьд-и пон*
 я идти-PST.1SG улица по и увидеть-PST.1SG собака
понм-ыс куч-ис уут-ны
 собака-P3SG начать-PST.3SG лаять-INF

‘Я шел по улице и увидел собаку. Собака залаяла’. [Кашкин 2008: 37]

Параллельно с приобретением новой функции показатель *-ыс* (-P3SG) постепенно утрачивает собственно посессивную функцию согласования с посессором по лицу и числу даже в посессивной конструкции. В доказательство приводятся примеры с употреблением P3SG при посессорах других лиц в различных коми-ижемских говорах (11)–(13).

МУЖЕВСКИЙ ГОВОР

- (11) *менам ай-ыс врач*
 я.GEN отец-P3SG врач

‘Мой отец врач’. [Кашкин 2008: 38]

ВОСЯХОВСКИЙ ГОВОР

- (12) **менам керка-ыс ыджыд-джык, чем ныыёрт-э-лэн**
 я.GEN дом-Р3SG большой-СМРР чем девушка.друг-Р1SG-GEN
 ‘Мой дом больше, чем дом моей подруги’. (Кашкин л. с.)

БЕЛОЯРСКИЙ ГОВОР

- (13) **менам сос-ыс косяс-ис, кол-э гур-ны**
 я.GEN рукав-Р3SG рваться-РСТ.3SG быть.нужным-PRS.3SG шить-INF
 ‘У меня рукав порвался, надо зашить’. (Кашкин л. с.)

Такие примеры существуют и для самбургского говора (14).

САМБУРГСКИЙ ГОВОР

- (14) **тэяд ай-ыс мун-ис чомй-э**
 ты.GEN отец-Р3SG уйти-РСТ.3SG чум-ILL
 ‘Твой отец уехал в тундру (букв. «в чум»)’.

Всё же мы утверждаем, что показатель Р3SG, по крайней мере в самбургском говоре, не утратил своей основной функции — обозначения посессивного отношения — и не превратился в дискурсивный маркер.

Во-первых, пример (14) спонтанный. Позже его грамматичность отрицалась самим носителем, выдавшим данный пример в качестве первой реакции. Он был заменен на (15).

САМБУРГСКИЙ ГОВОР

- (15) **тэяд ай-ыд мун-ис чомй-э**
 ты.GEN отец-Р2SG уйти-РСТ.3SG чум-ILL
 ‘Твой отец уехал в тундру (букв. «в чум»)’.

При обладателях других лиц употребление Р3.SG на обладаемом допускается пока что в качестве отступления от нормы (16).

- (16) **менам кукла-э/[?]кукла-ыс/*кукла диван-сьыс ус-ис**
 я.GEN кукла-Р1SG/кукла-Р3SG/кукла диван-Р3SG.EL упасть-РСТ.3SG
 ‘Моя кукла упала с дивана’.

Во-вторых, именные группы с одним и тем же референциальным и дискурсивным статусом предпочитают употребление / неупотребление Р3.SG в зависимости от референтности посессора (влияющей также и на посессивное отношение): референтный⁵ посессор,

⁵ Термин «референтный» здесь использован для упрощения картины, более подробно этот вопрос освещается в Разделе 3.1.

оформленный генитивом, обуславливает появление посессивного маркера на вершине (17), при генерическом посессоре обладаемое посессивным показателем не оформляется (18). Поскольку от дискурсивного показателя ожидается скорее чувствительность именно к дискурсивному статусу именной группы, а не к типу посессора, функции P3.SG нельзя считать чисто дискурсивными. Посессивная семантика по-прежнему оказывает влияние на его поведение.

- (17) (неопределенный статус, новое, фокус, референтный посессор)

пызан *выл-ын* *куйл-э* *кутшем-ке*
 стол верх-ESS лежать-PRS.3SG какой-INDEF
мича *баба-лэн* *сумка-ыс*
 красивый женщина-GEN сумка-P3SG

‘На столе лежит сумка какой-то красивой женщины’.

- (18) (неопределенный статус, новое, фокус, нереферентный посессор)

пызан *выл-ын* *куйл-э* *мича*
 стол верх-ESS лежать-PRS.3SG красивый
баба *сумка*/**сумка-ыс*
 женщина сумка/сумка-P3SG

‘На столе лежит красивая женская сумка’.

В рамках данной статьи обсуждаются только случаи прямого, недискурсивного употребления посессивного показателя — указание на наличие посессора и согласование с ним в лице и числе. Каждый раз, говоря о неграмматичности / невозможности маркирования вершины посессивным показателем, мы имеем в виду **только его появление, обусловленное наличием посессора**. В своей дискурсивной функции, близкой к функции маркера определённости [Кашкин 2008], P3SG может появляться при определенных условиях в любом из рассматриваемых нами контекстов.

2.3. Набор посессивных конструкций и порядок слов в ИГ

Из перечисленных выше способов оформления зависимого и вершины видно, что аналитически возможны 8 комбинаций признаков, из которых не все оказываются представлены в языке. В *Таблице 2* (с. 416) указывается грамматичность / неграмматичность каждой из логически возможных конструкций в самбургском коми. Можно заметить,

что таблица отражает обязательность посессивного согласования при различном оформлении зависимых: посессивное согласование (+POSS) является обязательным только при оформлении possessора вторым генитивом (GEN.O). С первым генитивом и номинативом оно факультативно. В случае оформления зависимого атрибутивизатором и не-оформленным именем посессивное согласование невозможно.

Таблица 2. Набор конструкций

Table 2. The range of constructions

	GEN	NOM	GEN.O	ABS	ATR
+POSS	OK	OK	OK	*	*
-POSS	OK	OK	*	OK	OK

Зависимое в ИГ в обычном случае стоит перед вершиной (19), однако иногда возможна постпозиция генитивного зависимого⁶ (20):

- (19) *дѣтина-ыс-лэн дѣля вок-ыс чача-сэ*
 мальчик-Р3SG-GEN маленький брат-Р3SG игрушка-Р3SG.ACC
жуг-эд-іс
 ломаться-CAUS-PST.3SG
 ‘Младший брат мальчика сломал игрушку’.

- (20) *дѣля вок-ыс ныл-ыс-лэн кол-яс*
 маленький брат-Р3SG девочка-Р3SG-GEN остаться-FUT.3SG
керка-ын
 дом-ESS
 ‘Младший брат девочки останется дома’.

В отличие от генитивного, номинативное зависимое не может быть постпозитивным.

- (21) **кок-ыс пызан ус-ис*
 нога-Р3SG стол упасть-PST.3SG
 ‘Ножка стола отвалилась’.

В собранном нами материале встречаются, вместе с тем, интересные ошибки: несмотря на то, что сохраняется общий принцип

⁶ Возможность постпозиции генитивного зависимого для других говоров коми отмечалась также в [Симоненко, Леонтьев 2012].

построения ИГ (маркирование ИГ на последнем слове), информанты иногда пытаются следовать русскому порядку слов. Это приводит к следующему эффекту: существительные образуют конструкцию с неформленным именем, но в неправильном, неграмматичном порядке; последнее из двух идущих друг за другом слов остается локусом маркирования, являясь носителем посессивного показателя (в данном случае в его дискурсивной функции), хотя не является вершиной (22), (ср. правильное (23), где вершина занимает крайне правую позицию в ИГ и является локусом маркирования).

(22) *кок пызан-ыс ус-ис*
нога стол-Р3SG упась-рст.3SG
'Ножка стола отвалилась'.

(23) *пызан кок-ыс ус-ис*
стол нога-Р3SG упась-рст.3SG
'Ножка стола отвалилась'.

Ниже мы рассмотрим факторы, влияющие на выбор той или иной конструкции из представленных в *Таблице 2* как возможные.

3. Правила выбора конструкции

Влияние на маркирование зависимого и вершины в ИГ в самбургском коми оказывают такие факторы, как семантическое отношение между вершиной и зависимым, позиция посессора в иерархии одушевленности и синтаксическая позиция ИГ.

3.1. Семантические отношения

Ядерными посессивными отношениями являются родство (*отец девочки*), часть тела (*нога девочки*) и законное обладание, или шире — отношение принадлежности (*дом отца*). Напомним, что посессивными конструкциями называются конструкции, выражающие эти отношения.

В самбургском коми ядерные посессивные отношения — родство (24), часть тела (25) и принадлежность (27) — в позиции субъекта

и объекта (26) кодируются конструкцией с **двойным маркированием**, то есть посессор оформлен **первым** (1)–(3), (24)–(25), (27) или **вторым** (4)–(5), (26) **генитивом**, а на зависимом есть **поссесивный показатель**:

- (24) *дeтuнa-лэн ай-ыс вoед-ic чoмй-э*
 мальчик-GEN отец-Р3SG пробежать-PRS.3SG чум-ILL
 ‘Отец мальчика уехал в тундру (букв. «в чум»)’.
- (25) *ай-э-лэн юр-ыс сивейт-ic*
 отец-Р1SG-GEN голова-Р3SG сесть-РST.3SG
 ‘Голова отца поседела’.
- (26) *cыa o-з пoмнит мам-ыс-лысь рoжa-сэ*
 тот NEG.NPST-3 помнить.CN мама-Р3SG-GEN.O лицо-Р3SG.ACC
 ‘Он не помнит лицо матери’.
- (27) *вeлэдyсь-лэн керка-ыс сулал-э абу ылын*
 учитель-GEN дом-Р3SG стоять-PRS.3SG NEG далеко
 ‘Дом учителя стоит неподалеку’.

В косвенной позиции эти же отношения оформляются конструкцией с **номинативным** посессором, подробнее см. *Раздел 3.3*.

Таким же образом, как и ядерные поссесивные, в самбургском коми могут оформляться и некоторые другие отношения: социальные (28), авторство (29), член группы — группа (30), целое — часть (для неодушевленных поссесоров) (31), хотя для выражения последних двух чаще всего используется конструкция с **неоформленным именем** (32).

- (28) *дeтuнa-ыс-лэн ёрт-яc-ыс вo-исныс сы*
 мальчик-Р3SG-GEN друг-PL-Р3SG прийти-РST.3PL тот
дор-э гoсти
 край-ILL в.гости
 ‘Друзья мальчика пришли к нему в гости’.
- (29) *мuян зэй лэсyл-ic Вaся-лэн cыблaн.кыл-ыс*
 мы.DAT очень нравиться-РST.3SG Вася-GEN песня-Р3SG
 ‘Нам очень понравилась Васина песня’.
- (30) *Вaся-лэн клac-ыс зэй ыджыд*
 Вася-GEN класс-Р3SG очень большой
 ‘Васин класс очень большой’.

- (31) *табуретка-нум-лэн* *кок-ыс* *ус-и*
 стул-Р1PL-GEN нога-Р3SG упасть-РST.3SG
 ‘Ножка стула отвалилась’.
- (32) *ния* *вожь-яс* *тöд-сьыс* *вöр-эныс*
 лиственница ветка-PL ветер-Р3SG.EL шевелиться-PRS.3PL
 ‘Ветви лиственницы шевелятся на ветру’.

Примеры выше демонстрируют исключительно ИГ в позиции подлежащего, однако одинаковое оформление ядерных и более периферийных посессивных отношений характерно и для других синтаксических позиций. Ниже для отношения авторства показано использование конструкции с посессором во втором генитиве и обязательным посессивным согласованием в позиции прямого объекта (33) и конструкции с номинативным посессором и посессивным согласованием в косвенной позиции (34).

- (33) *никод из* *адьдьы-л-і* *детина-ыс-лысь*
 никто NEG.PST.3 видеть-EXP-PST.3SG ребенок-Р3SG-GEN.O
серпас-сэ
 рисунок-ACC.P3SG
 ‘Никто не видел рисунок мальчика’.
- (34) *этия ёма-сэ* *ме тöд-а* *баб-е*
 тот чудище-ACC.P3SG я знать-NPST.1SG бабушка-Р1SG
мойд-сьыс
 сказка-EL.P3SG
 ‘Это существо я знаю из бабушкиной сказки’.

Остальные отношения не являются для самбургского коми посессивными (с точки зрения выбора морфосинтаксической стратегии маркирования). В *Таблице 3* (с. 420) приведены все соответствия между семантическими отношениями и конструкциями. В рядах 1–6 *Таблицы 3* находятся прототипические посессивные отношения. Чаще всего тип семантического отношения коррелирует с референциальным статусом и одушевлённостью зависимого. Так, отношения с одушевлёнными зависимыми оказываются среди посессивных с наибольшей вероятностью. Далее идут отношения с неодушевлёнными, но якорными (anchoring в терминологии М. Копчевской-Тамм [Koptjevskaja-Tamm 2002]) зависимыми (ряды 7–9). Особенность якорных отношений в том, что посессор имеет референта (хотя бы потенциально) и через него

возможно идентифицировать и референт обладаемого. Генерические зависимые (non-anchoring), такие, которые обозначают не некоторую сущность, а скорее набор признаков, подобно прилагательным, располагаются внизу таблицы (ряды 10–13), и отношения, обозначаемые ими, часто не входят в набор посессивных. Якорный посессор не является полным синонимом референтного. Примером ИГ с якорным не-референтным посессором является ИГ *сумка какой-нибудь женщины*, где зависимое референта не имеет, но потенциально может иметь его. ИГ *женская сумка* представляет собой пример с неякорным посессором, в котором зависимая ИГ обозначает набор признаков и не может иметь референта.

Таблица 3. Соотношение семантических отношений и конструкций

Table 3. The correlation between semantic relations and constructions

		Семантика	Конструкция				
			GEN; +/- P ⁷	GEN.O; + P	NOM; +/- P	ABS; - P ⁸	ATR; - P
якорный	одуш.	1 Родство	ОК	ОК	ОК	*	*
		2 Социальные	ОК	ОК	ОК	*	*
		3 Авторство	ОК	ОК	ОК	*	*
		4 Член — группа	ОК	ОК	ОК	*	*
		5 Принадлежность	ОК	ОК	ОК	*	*
		6 Часть тела	ОК	ОК	ОК	*	*
	неодуш.	7 Целое — часть	ОК	ОК	ОК	ОК	*
		8 Локативные	*	*	*	ОК	ОК
		9 Временные	*	*	*	*	ОК
неякорный	10 Предназначение	*	*	*	ОК	*	
	11 Вид	*	*	*	ОК	*	
	12 Цель	*	*	*	ОК	*	
	13 Материал	*	*	*	ОК	*	
	14 Атрибут, ингредиент	*	*	*	*	ОК	
	15 Качество	*	*	*	*	ОК	

⁷ Наличие / отсутствие посессивного показателя на вершине регулируется другими факторами (см. ниже), поэтому в таблице семантических отношений две конструкции могут быть объединены в одну.

⁸ Более подробно это обсуждается в конце *Раздела 3.3.1.*

Так как дальше речь пойдет исключительно о собственно посессивных отношениях в самбургском коми, приведем лишь несколько примеров на отношения из нижней части таблицы: временные отношения выражаются только конструкцией с **атрибутивизатором** (35), локативные (место) — как с **атрибутивизатором** (7), так и с **неоформленным именем** (36). Отношения с неякорным посессором, такие как предназначение (37), вид (8), цель (38) и материал (39), все кодируются **конструкцией с неоформленным именем**.

- (35) временные
*тõрыт-ча*⁹ *шyd-сэ* *ми тон* *сёй-ам*
 вчера-ATR2 суп-Р3SG.ACC мы сегодня есть-NPST.1PL
 ‘Вчерашний суп мы съедем сегодня’.

- (36) локативные
Самбург^{/OK} *Самбург-са* *керка-яс-ын* *шоньд*
 Самбург/Самбург-ATR1 дом-PL-ESS теплый
дажэ тõл-ын
 даже зима-ESS
 ‘В домах Самбурга тепло даже зимой’.

- (37) предназначение
челядь *комната* *югыд* *и* *ыджыд*
 ребенок комната светлый и большой
 ‘Детская комната большая и светлая’.

- (38) цель
нянь *пурт-ыс* *лэчыд*
 хлеб нож-Р3SG острый
 ‘Хлебный нож острый’.

- (39) материал
сыя *кар-ис* *пу* *керка*
 тот делать-РСТ.3SG дерево дом
 ‘Он построил деревянный дом’.

На периферии находятся отношения, названные нами «ингредиент» (40) и «качество» (41), они оформляются только конструкцией с **атрибутивизатором** (ATR1).

⁹ Реализация суффикса как [ча] является особенностью самбургского говора. В литературном коми этому соответствует суффикс [йа] [Лудыкова 2010].

(40) ингредиент

бабе пу-ис уллё-а шыд
бабушка варить-PST.3SG молоко-ATR2 суп

‘Бабушка сварила молочный суп’.

(41) качество

сивей юр-а старик-лэн выйым кык вес-я керка
седой голова-ATR2 старик-GEN ЕХ два этаж-ATR2 дом

‘У седоголового старика есть двухэтажный дом’.

Как видно из *Таблицы 3*, граница между **якорными** и **неякорными** отношениями, характерная для языков Европы [Kortjevskaja-Tamm 2002], оказывается релевантной и для (самбургского) коми. Статус посессора тесно связан с семантическим отношением (что заложено и в типологическую классификацию М. Копчевской-Тамм). При одном и том же лексическом составе разные конструкции имеют разную семантику. Ниже представлена пара предложений, где в (42) ИГ, оформленная генитивной конструкцией, выражает отношение «часть тела», тогда как в (43) конструкцией с немаркированным именем выражается отношение вида.

(42) *челядь-лэн ки-ыс оз тыр варежка-ас*
ребенок-GEN рука-P3SG NEG.NPST.3 наполниться варежка-ILL.P3SG

‘Рука ребёнка не помещается в эту варежку’.

(43) *челядь ки оз тыр варежка-ас*
ребенок рука NEG.NPST.3 наполниться варежка-ILL.P3SG

‘Детская рука не помещается в эту варежку’.

Группа отношений с якорным одушевленным посессором оказывается не вполне однородной. Так, при якорном посессоре (выраженном генитивом), если ИГ выражает родственные (1)–(3), (24) или социальные отношения (44), или часть тела (25)–(26), посессивный показатель на вершине является обязательным¹⁰. При всех прочих отношениях посессивное маркирование на вершине может отсутствовать (например, принадлежность (45)).

(44) *миянтэ рисуйт-ис ни-е-лэн ёрт-ыс/ *ёрт*
мы.ACC рисовать-PST.3SG сын-P1SG-GEN друг-P3SG/друг

‘Нас нарисовал друг моего сына’.

¹⁰ Это верно не для всех синтаксических позиций ИГ, а только для позиции субъекта. Подробнее данный вопрос будет рассмотрен в *Разделе 3.3.2*.

- (45) *туй* *выл-ын* *сулал-э* *сосед-э-лэн*
 дорога верх-ESS стоять-PRS.3SG сосед-Р1SG-GEN

дадьдь-ыс^{OK}*дадь*
 нарта-Р3SG/нарта

‘На дороге стоит нарта соседа’.

В таблице невозможно отобразить влияние одновременно всех факторов. Помимо различий в обязательности посессивного маркирования при разных отношениях, нельзя все же однозначно утверждать, что отношение родства при посессоре в генитиве (ИГ в позиции субъекта) единственным образом задает посессивный показатель на вершине: при модификации посессора неопределенным местоимением посессивное оформление вершины становится необязательным (46), что демонстрирует нам влияние **референциального статуса посессора** на выбор конструкции.

- (46) *тэныд* *звонит-ис* *код-лэн-кэ* *мам-ыс*^{OK}*мам*
 ты.DAT звонить-PST.3SG кто-GEN-INDEF мать-Р3SG/мать

‘Тебе звонила чья-то мама’.

Как можно заметить, таблица семантических отношений даже со всеми сделанными оговорками задает основные тенденции, но не помогает однозначно выбрать конструкцию. По этой причине далее мы обратимся к дополнительным факторам.

3.2. Позиция посессора в иерархии одушевленности

Место посессора в иерархии одушевленности (47) также влияет на маркирование членов ИГ.

- (47) мест. 1, 2л. > мест. 3л. > человек, имена собственные > термины родства > человек, прочие имена нарицательные > прочие одушевленные > неодушевленные > абстрактные [Silverstein 1976]

Сперва будут рассмотрены наиболее грубые и явные границы, затем более тонкие.

В *Таблице 3*, помимо основной границы, пролегающей между якорным и неякорным посессором, можно также заметить границу между **одушевленностью и неодушевленностью посессора**: отношения

с неодушевленным якорным посессором кодируются не так, как с одушевленным; внутри группы с неодушевленным посессором также есть различия. Если отношения с одушевленным посессором выражаются конструкцией с генитивом или номинативом (в зависимости от синтаксической позиции ИГ) и в основном с посессивным показателем на вершине, то отношения с неодушевленным посессором обычно кодируются конструкцией с неоформленным именем или атрибутивизатором. За редким исключением конструкции с неодушевленным якорным посессором также могут быть выражены посессивной конструкцией с зависимым в генитиве / номинативе и оформлением вершины посессивным суффиксом. Ниже мы рассмотрим выражение отношений с неодушевленным якорным посессором более подробно.

Как можно заметить, единственным отношением с якорным посессором, которое можно кодировать конструкцией с посессором в немаркированной форме и без показателя посессивности на вершине, является отношение целое — часть (32).

В литературном коми такое зависимое имеет более широкую сферу употребления, чем в самбургском [Некрасова 2002]. В некоторых конструкциях, выражающих отношения, при которых посессор явно является референтным одушевленным (термин родства (48), профессия (49), имя собственное (50)), он может быть оформлен и номинативом.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

- (48) ^{OK}öшэд ай нась-сэ места-ас
повесить.IMP отец шуба-Р3SG.ACC место-Р3SG.ILL
'Повесь отцовскую шубу на место'.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

- (49) тракторист гöтыр
тракторист супруга
'Жена тракториста' [Некрасова 2002: 40]

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

- (50) Петыр гöтыр
Петр супруга
'Жена Петра' [там же: 39]

В самбургском же говоре референтные употребления посессора, не маркированного генитивным показателем, запрещают (см. (51)–(53) соответственно, где (52), в отличие от (51) и (53) содержит ИГ без маркирования на вершине, и потому является грамматичным, однако

допускает исключительно нереферентную интерпретацию зависимого, недоступную при наличии посессивного маркирования).

САМБУРГСКИЙ КОМИ

- (51) **öшэд ай шуба-сэ (ас) места-ас*
 повесить.IMP отец шуба-P3SG.ACC свой место-P3SG.ILL
 ‘Повесь отцовскую шубу на место’.

САМБУРГСКИЙ КОМИ

- (52) *лафка-а пыр-іс кӧрдор.морт баба*
 магазин-ILL войти-PST.3SG оленевод жена
 ‘В магазин вошла женщина-олeneuveд’.
 *‘В магазин вошла жена оленевода’.

САМБУРГСКИЙ КОМИ

- (53) **Вася баба-ыс бур-а сьыл-э*
 Вася жена-P3SG хороший-ADV петь-PRS.3SG
 ‘Жена Васи хорошо поет’.

В (52) *кӧрдор.морт* не является якорным посессором, так как в данной конструкции может быть добавлен другой якорный посессор (54).

САМБУРГСКИЙ КОМИ

- (54) *лафка-а пыр-іс код-лэн-кэ кӧрдор.морт баба*
 магазин-ILL войти-PST.3SG кто-GEN-INDEF оленевод жена
 ‘В магазин вошла чья-то жена-олeneuveд’.

Еще большего внимания заслуживает **граница между посессором-личным местоимением и посессором-существительным.**

Как уже упоминалось выше, личные местоимения, как и существительные, имеют специальные формы для первого (3) и второго (5) родительных падежей.

Однако разница между посессором-существительным и посессором — личным местоимением состоит в том, что при местоименном посессоре наличие посессивного показателя на вершине обязательно как в позиции субъекта (55) и объекта (56), так и в косвенной позиции (57), тогда как при посессоре-существительном это не так.

- (55) *тяд ай-ыд/*ай мун-іс чомй-э*
 ты.GEN отец-P2SG/отец уйти-PST.3SG чум-ILL
 ‘Твой отец уехал в тундру (букв. «в чум»)’.

- (56) *ме пасьтал-а сы-лысь шапка-сэ/*шапка*¹¹
 я надеть-NPST.1SG тот-GEN.O шапка-P3SG.ACC/шапка
 ‘Я надену его шапку’.
- (57) *вёлсь-я ныл-ыс ло-о невеста*
 село-ATR2 девушка-P3SG быть-PRS.3SG невеста
*ме ни-е-лы/*ни-лы*
 я сын-P1SG-DAT/сын-DAT
 ‘Девушка из села будет невестой моему сыну’.

В следующем подразделе будет продемонстрировано влияние синтаксической позиции на оформление членов ИГ.

3.3. Синтаксическая позиция ИГ

Мы выделяем четыре синтаксических позиции в самбургском коми, влияющих как на оформление вершины, так и на оформление зависимого.

- 1) Позиция субъекта
- 2) Позиция прямого объекта
- 3) Косвенная позиция
- 4) Предикативная позиция

3.3.1. Влияние на оформление зависимого

В самбургском коми **первым генитивом** оформляется **якорное зависимое** только для ИГ в **субъектной позиции** (1)–(3), (24)–(25), (27) (28)–(31). Никакой другой падеж использован быть не может (см. пример (2), с добавлениями продублированный в (58)).

- (58) *Вася-лэн/*Вася-лысь/*Вася ай-ыс ол-э чомй-ын*
 Вася-GEN/Вася-GEN.O/Вася отец-P3SG жить-PRS.3SG чум-ESS
 ‘Васин отец живет в чуме’.

Если же ИГ стоит в **позиции прямого объекта**, то используется **второй генитив** (4)–(5), (26), и никакие другие падежи здесь невозможны (59).

¹¹ Специализированный показатель аккузатива вне посессивного склонения в ижемском коми отсутствует [Бирюк и др. 2010: 385].

(59) *öšын пыр ме адьдьы-л-і кӧръ-яс-лысь/*
 окно сквозь я видеть-EXP-PST.1SG олень-PL-GEN.O/

**кӧръ-яс-лэн/ *кӧръ-яс мушку-ныс-сэ*
 олень-PL-GEN/ олень-PL спина-РЗPL-ACC

‘В окно я увидел спины оленей’.

Для ИГ во всех **косвенных позициях** зависимое оформляется **номинативом** (6)–(7), (60).

(60) *сыа мун-іс ылла-а ай-ыс шуба-ан*
 тот уйти-РСТ.3SG улица-ILL отец-РЗSG шуба-ESS

‘Он пошел на улицу в шубе отца’.

Влияние фактора синтаксической позиции / падежного оформления ИГ характерно и для близкородственных финно-угорских языков, таких как удмуртский, марийский, эрзянский мокшанский [Pleshak 2016]. Синтаксическая позиция и падежное маркирование ИГ непосредственно связаны между собой: падеж ИГ определяется её синтаксической позицией. В некоторых случаях кажется, что всё же можно развести эти два фактора. Более того, оказывается, что то, что именно влияет на выбор конструкции, является параметром межъязыкового варьирования. Так, в мокшанском языке решающим оказывается именно падежное маркирование. В том случае, когда генитивная ИГ является зависимым послелога, оформление членов ИГ происходит так же, как и тогда, когда генитивная ИГ стоит в позиции прямого дополнения: посессор выражен генитивом, а посессивный показатель на вершине обязателен (в мокшанском языке послелоги управляют тем же падежом, который маркирует и прямое дополнение — генитивом). Можно было бы ожидать от зависимых послелога такого же поведения, как от ИГ в косвенных падежах, поскольку они являются косвенными аргументами, однако в косвенных падежах посессивное маркирование на вершине факультативно. В коми представлена обратная ситуация: послелоги управляют номинативом, однако зависимое оформляется в этом случае именительным (как с вершиной в косвенных падежах), а не первым родительным падежом (как с вершиной в номинативе) (61).

(61) *мича-мича мальча вӧл-і велэдысь/*
 красивый-красивый малица быть-РСТ.3SG учитель/

**велэдысь-лэн ныл-ыс выл-ын*
 учитель-GEN дочь-РЗSG на-ESS

‘Самая красивая малица была на дочери учителя’.

Таким образом, относительно выбора маркирования зависимого послелого и косвенные падежи ведут себя одинаково, что является аргументом в пользу того, что на маркирование зависимого в коми действительно влияет не падежное маркирование вершины, а **синтаксическая позиция ИГ**. Впрочем, различное поведение послелогов в разных языках может быть связано с различной степенью их грамматикализации [Бирюк 2005] (большей схожестью с именными вершинами, как в мокшанском, или с локативными падежами, как в коми). Тогда единственным фактором, влияющим на выбор конструкции, остается синтаксическая позиция ИГ.

И для литературного коми, и для некоторых коми-ижемских говоров приводились примеры, нарушающие сформулированное выше правило о номинативном маркировании зависимого при вершине в косвенном падеже или с послелогом. Наблюдается возможность оформлять possessora при вершине с послелогом так же, как и при вершине в номинативе, то есть не номинативом, а генитивом (62)–(63). Носители самбургского коми такое употребление запрещают (64).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОМИ

- (62) *сийӧ матыстч-ис начальник/ОК? начальник-лӧн*
он подойти-РСТ.3SG начальник/начальник-GEN

пызан дор-ӧ
стол край-ILL

‘Он подошел к столу начальника’. [Некрасова 2002: 38]

МУЖЕВСКИЙ КОМИ

- (63) *детина-ыс пук-ал-іс ай-ыс-лэн пельном*
мальчик-Р3SG сидеть-DUR-РСТ.3SG отец-Р3SG-GEN плечо

выл-ас
верх-Р3SG.ESS

‘Мальчик сидел на плечах отца’. [Бирюк et al. 2010: 384]

САМБУРГСКИЙ КОМИ

- (64) *кӧрдор.морт/*кӧрдор.морт-(ыс)-лэн пи выл-ас*
оленеvod/оленеvod-Р3SG-GEN сын верх-Р3SG.ESS

вӧл-іныс шоныд кӧмкот-ъяс
быть-РСТ.3PL теплый обувь-PL

‘На сыне оленевода была теплая обувь’.

В то же время и в самбургском коми есть отступления от этого правила — **возможность генитивного, а не номинативного оформления**

зависимого в ИГ в комитативе (65)–(66). Хотя такие употребления признаются грамматичными не всеми носителями, их можно услышать и в качестве первой реакции.

(65) *тэяд ай-ыд мун-іс чомй-э менам ай-кед*
 ты.GEN отец-P2SG уйти-PST.3SG чум-ILL я.GEN отец-COM
 ‘Твой отец уехал в тундру с моим отцом’.

(66) *ме лафка-ын адьдьы-сь-л-і сосед-э*
 я магазин-ESS видеть-DETR-EXP-PST.1SG сосед-P1SG
баба-ыс-лэн вок-ыс-кед
 жена-P3SG-GEN брат-P3SG-COM
 ‘Я встретился в магазине с братом жены соседа’.

Такие отклонения можно объяснять как неустойчивостью системы в области периферийных падежей, так и влиянием «тяжести» ИГ посессора на его оформление. К сожалению, этот вопрос специально не изучался ни автором статьи, ни предыдущими исследователями (или по крайней мере автору неизвестны работы, описывающие различные возможности маркирования посессора в ИГ с вершиной в комитативе).

Здесь же нам бы хотелось сказать несколько слов о том, почему в *Таблице 3 конструкция с посессором без показателей зависимостного маркирования* разведена на две: допускающая посессивный маркер на вершине конструкция с собственно номинативным посессором (NOM; +/-P3SG) и запрещающая посессивный маркер конструкция с неоформленным именем (ABS; -P3SG). Еще в [Бубрих 1955] упоминалось, что «именительный определения» не имеет категории падежа, определенности и притяжательности, не может нести никакого суффикса. Но приводились исключения, где к зависимому в именительном падеже присоединялись суффиксы множественного числа или притяжательный. Можно, однако, заметить, что существует два случая употребления посессора без показателей зависимостного маркирования, в которых он проявляет **различные свойства**.

1) Номинативный посессор в составе посессивных ИГ в косвенных падежах и внутри послеложной группы может быть референтным, присоединять P3SG в его основной функции (67), иметь зависимые (68) и отделяться от вершины (69).

(67) *детина-ыс-лэн ай-ыс пук-ал-э*
 мальчик-P3SG-GEN отец-P3SG сидеть-DUR-PRS.3SG

ныы/^{OK}*ныл-ыс ай-ыс бөк-ын*
 девочка/девочка-Р3SG отец-Р3SG бок-ESS

‘Отец мальчика сидит рядом с отцом девочки’.

- (68) *Вася локт-ис озыр сосед көр был-ын*
 Вася приехать-РСТ.3SG богатый сосед олень верх-ESS
 ‘Вася приехал на олене богатого соседа’.

- (69) *сыа матысьс-ис Вася дёля чой дор-э*
 тот приближаться-РСТ.3SG Вася маленький сестра край-ПЛ
 ‘Он подошел к Васиной младшей сестре’.

2) В конструкции с неоформленным некорным посессором ни зависимое, ни маркер Р3SG невозможны (70), такое зависимое не может отделяться от вершины (71).

- (70) *ыджыд ныы/*ныл-ыс книга куйл-э*
 большой девочка/девочка-Р3SG книга лежать-PRS.3SG
пызан был-ын
 стол верх-ESS

‘Большая книга для девочек лежит на столе’.

*‘Книга большой девочки лежит на столе’.

- (71) а. *ме неб-и свежей көр яй*
 я купить-РСТ.1SG свежий олень мясо
 б. **ме неб-и көр свежей яй*
 я купить-РСТ.1SG олень свежий мясо
 ‘Я купил свежее оленьё мясо’.

3.3.2. Факторы, влияющие на оформление вершины

1) В позиции субъекта при якорном посессоре (выраженном генитивом), если ИГ выражает родственные (24), социальные отношения (28), часть тела (25)–(26), оформление вершины посессивным показателем обязательно.

2) В позиции прямого дополнения посессивный показатель **обязателен при всех отношениях**, включая отношения принадлежности (72). В том числе на его маркирование не влияет и определенность посессора (ср. (46) в Разделе 3.1 для посессора, модифицированного неопределенным местоимением в ИГ в позиции субъекта) (73).

- (72) *туй кузя мун-ігмоз ме адьдъы-л-і*
 дорога по идти-CVВ я видеть-EXP-PST.1SG

*сосед-лысь дадю-сэ/*дадю*
 сосед-GEN.O упряжка-P3SG.ACC/упряжка

‘Проходя по дороге, я увидел упряжку соседа’.

- (73) *сыя пригласит-іс екты-ны*
 тот пригласить-PST.3SG танцевать-INF

*код-лысь-кэ баба-сэ/*баба*
 кто-GEN.O-INDEF жена-P3SG.ACC/жена

‘Он пригласил танцевать чью-то жену’.

3) В косвенной позиции (74)–(75) и в позиции предиката (76) посессивный показатель **факультативен**.

- (74) *мам-ыс пет-іс пи-ыс комната-ысь /*
 мама-P3SG выйти-PST.3SG сын-P3SG комната-EL

OK_комната-сьыс
 комната-EL.P3SG

‘Мама вышла из комнаты сына’.

- (75) *вок-ыс керка дор-ас/дор-ын пон-ъяс войл-эныс*
 брат-P3SG дом край-P3SG.ESS/край-ESS собака-PL бегать-PRS.3PL

‘Около дома его брата бегают собаки’.

- (76) *этия детина-ыс-лэн ай^{OK}ай-ыс*
 вон_тот мальчик-P3SG-GEN отец/отец-P3SG

‘Это — отец мальчика’.

4. Изменение функции показателя **-ныс**

В самбургском коми замечено постепенное смещение функций показателя **-ныс** из обозначения множественности посессора (77)–(78) в обозначение множественности обладаемого (79).

- (77) *детина-яс-лэн ай-ныс мун-іс чомй-э*
 мальчик-PL-GEN отец-P3PL идти-PST.3SG чум-ILL

‘Отец мальчиков уехал в тундру (букв. «в чум»)’.

Суффикс *-ныс*, исходно являясь маркером, указывающим именно на множественность possessора третьего лица, не содержит информации о количестве обладаемых (референтов вершины ИГ), поэтому в случае множественности обладаемого необходимо присоединение суффикса множественного числа (78).

- (78) *детина-яс-лэн мам-ъяс-ныс мун-исныс лавка-э*
 мальчик-PL-GEN мать-PL-P3PL идти-рст.3PL магазин-ILL
 ‘Мамы мальчиков пошли в магазин’.

Однако, несмотря на это, суффикс множественного числа на обладаемом опускают (79), что могло бы означать сочетание в показателе *-ныс* функций обозначения множественности одновременно и possessора, и обладаемого.

- (79) *вок-ъяс-э-лэн велэдысь-ныс ол-эныс соседний*
 брат-PL-P1SG-GEN учитель-р3PL жить-прс.3PL соседний
керка-яс-ас
 дом-PL-P3SG.ESS
 ‘Учителя моих братьев живут в соседних домах’.

В то же время, как было сказано выше, показатель *-ыс* имеет дискурсивное значение и может употребляться как при possessорах других лиц (14), так и при possessоре 3 л. мн. ч. (80)–(81). Создаются контексты, где возможны оба показателя, (*-ыс* и *-ныс*). Необязательность указания на множественность possessора как бы смещает показатель *-ныс* из его основной функции.

- (80) *сосед-ъяс-нум-лэн пи-ыс мун-ис школа-э*
 сосед-PL-P1PL-GEN сын-р3SG идти-рст.3SG школа-ILL
 ‘Сын наших соседей пошел в школу’.

- (81) *сосед-ъяс-э-лэн ныы-яс-ыс о-э на велэдч-иныс*
 сосед-PL-P1SG-GEN дочь-PL-P3SG NEG.NPST-3 ещё учиться-прс.3PL
 ‘Дочери соседей еще не учатся’.

При работе с носителем встречались следующие интересные интерпретации. На вопрос, возможно ли сказать (82), был дан утвердительный ответ и перевод. Употребление *-ыс* (P3SG) при множественном possessоре не было воспринято как неграмматичное и невозможное. На стимул ‘Игрушки детей упали на пол’, последовавший за этим, было дано предложение (83), без суффикса множественного числа

на обладаемом. При этом сказуемое согласуется с субъектной посессивной ИГ по множественному числу.

- (82) *челядь-яс-лэн чача-ыс ус-и пос был-ас*
 ребенок-PL-GEN игрушка-Р3SG упасть-РСТ.3SG пол верх-Р3SG.ILL
 ‘Игрушка детей упала на пол’.

- (83) *челядь-яс-лэн чача-ныс ус-исныс пос был-ас*
 ребенок-PL-GEN игрушка-Р3PL упасть-РСТ.3PL пол верх-Р3SG.ILL
 ‘Игрушки детей упали на пол’.

Наконец, встречаются примеры, в которых *-ныс* маркирует только множественное число обладаемого при посессоре в ед. ч., хотя маркер множественного числа тоже остается (84).

- (84) *детина-ыс-лэн рөдь-яс-ныс*
 мальчик-Р3SG-GEN родители-PL-Р3PL
ка-эма-сь чомй-э
 подниматься-РСТ2-PL чум-ILL
 ‘Родители мальчика уехали в тундру (букв. «в чум»)’.

5. Выводы

5.1. Влияние факторов на выбор конструкции

Посессивные отношения в самбургском коми могут быть выражены несколькими конструкциями, выбор между которыми регулируется действием таких факторов, как тип семантического отношения, позиция посессора в иерархии одушевленности и синтаксическая позиция ИГ.

Собственно посессивными отношениями в самбургском коми являются родство, часть тела, принадлежность, социальные, авторство, член группы — группа и целое — часть. Главным противопоставлением, отличающим собственно посессивные отношения (кодирующиеся как ядерные посессивные) от остальных, является якорность посессора. Все якорные посессоры в ед. ч. требуют появления посессивного показателя на вершине в позиции прямого объекта, а также в позиции субъекта при выражении родства, социальных отношений и части тела.

В косвенной позиции посессивный показатель на вершине факультативен, за исключением тех случаев, когда посессор выражен личным местоимением. При нереферентном посессоре посессивный показатель в недискурсивной (посессивной) функции невозможен.

5.2. Сходства и различия с литературным коми

В целом система самбургского коми не сильно отличается от литературной, представление о которой было получено нами из таких работ, как [Некрасова 2002] и [Sazhina 2005], однако для изученного нами идиома можно выделить ряд особенностей.

1) В самбургском говоре посессивный маркер на вершине более обязателен.

2) В самбургском говоре референтный одушевленный посессор не может стоять в номинативе в ИГ не в косвенных падежах.

3) В литературном коми наблюдается тенденция к расширению сферы употребления генитивного зависимого и на ИГ в косвенной позиции, тогда как в самбургском говоре такой тенденции нет. Исключение составляет комитатив, допускающий, хоть и не для всех носителей, зависимое в генитиве.

4) В самбургском говоре происходит изменение функций показателя *-ныс* из обозначения множественности посессора в обозначение множественности обладаемого, хотя процесс этот еще не завершен.

5) В самбургском говоре (предположительно под влиянием русского языка) встречаются ошибки в порядке слов даже в конструкциях, имеющих очень жесткую структуру.

5.3. Типологические особенности самбургского коми

Имея в своем распоряжении похожий на близкородственные финно-угорские языки (удмуртский, марийский, мордовские) набор конструкций, коми проявляет ряд интересных отличительных особенностей (см. также [Pleshak 2016]). Среди них наиболее яркой является оформление зависимого номинативом в том случае, когда ИГ стоит в косвенной позиции. В родственном удмуртском посессор маркируется генитивом при обладаемом как в позиции подлежащего, так и в косвенной позиции. Особым образом маркируется только посессор

при прямом объекте [Edugarova 2010]. В остальных перечисленных языках синтаксическая позиция и падежное маркирование вершины влияют только на оформление вершины, но не на оформление посессора. Кроме того, как уже упоминалось, в коми играет ключевую роль именно синтаксическая позиция, тогда как в мокшанском — падежное маркирование [Плешак 2014].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ATR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; CMPR — сравнительная степень; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; ESS — эссив; DETR — детранзитив; EXP — экспериентив; FUT — будущее время; GEN — первый генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; ITER — итератив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; O — объект; P — посессивность; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Бирюк 2005 — О. Л. Бирюк. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. Дипломная работа. М.: МГУ, 2005.
- Бирюк и др. 2010 — О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. Н. Усачева. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Брыкина, Судобина 2005 — М. М. Брыкина, А. Н. Судобина. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21–28 сентября 2005 г., Ереван). М.: РГГУ, С. 98–101.
- Бубрих 1947 — Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика. Минимум. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1947.
- Бубрих 1955 — Д. В. Бубрих. Современный коми язык. Ч. 1. Фонетика. Лексика. Морфология. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1955.
- Гращенков 2006 — П. В. Гращенков. Синтаксис и типология генитивной группы. Дисс.... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2006.
- Едыгарова 2010 — С. Едыгарова. Категория посессивности в удмуртском языке. Дисс.... канд. филол. наук. Тарту: Тартуский университет, 2010.
- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Посессивное склонение в мужевском говоре ижемского диалекта коми-зырянского языка // Научный вестник ЯНАО. 2008. Вып. 6 (58). С. 33–46.
- Колпакова 1988 — Н. Н. Колпакова. Посессивность в венгерском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1988.

- Кошкарева и др. 2017 — Н. Б. Кошкарева, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков, О. А. Казакевич, С. И. Буркова, Н. А. Муравьев, Е. М. Будянская. Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Калининград: Рост-Доафк, 2017.
- Кузнецова 2003 — А. И. Кузнецова. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // П. Суйхконен, Б. Комри (ред.). Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. С. 249–259.
- Лудыкова 2010 — В. М. Лудыкова. Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2010.
- Некрасова 2002 — Г. А. Некрасова. Система /-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2002.
- Плешак 2015 — П. С. Плешак. Иерархия одушевленности и выбор посессивной конструкции в мошанском языке // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы Международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. М.: МГГУ им. М. А. Шолохова, 2015. С. 146–164.
- Сидоров 1945 — А. С. Сидоров. Принадлежностно-указательные суффиксы в коми языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: Коми база АН СССР, 1945.
- Симоненко, Леонтьев 2012 — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Морфо-синтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова и др. (ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 262–339.
- Феоктистов 1963 — А. П. Феоктистов. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963.
- Kokla 1963 — P. Kokla. Possessiivsuffixid mari keeles. Väitekirj filoloogikandidaadi teadustiku kraadi taotlemiseks. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut, 1963.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2002. № 55. P. 141–172.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun Phrase Structure in the Languages of Europe. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621–722.
- Mark 1925 — J. Mark. Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen (Suomalais-Ugrilainen Seuran Toimituksia. Vol. 54). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1925.
- Nichols 1988 — J. Nichols. On alienable and inalienable possession // W. Shipley (ed.). In honor of Mary Haas. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. P. 557–609.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // П. Суйхконен, Б. Комри (ред.). Международный

- симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. С. 130–145.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permic. Talk at 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 31.08–03.09.2016, University of Naples Federico II, Naples.
- Sazhina 2005 — N. Sazhina. Possessiivsuse väljandamise viisid tänapäevase eesti ja sürjakomi keeles. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2005.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of Features and Ergativity // R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers // H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society*. Vol. 2. Amherst: University of Massachusetts, 2014. P. 127–140.

References

- Biryuk 2005 — O. L. Biryuk. Morfosintaksicheskie kriterii vydeleniya poslelogov v uralskikh yazykakh [Morphosyntactic criteria for identifying postpositions in the Uralic languages]. Graduate work. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2005.
- Biryuk et al. 2010 — O. L. Biryuk, E. V. Kashkin, A. I. Kuznetsova, M. N. Usacheva. *Slovar muzhevskogo govora izhemsckogo dialekta komi-zyryanskogo yazyka* [Dictionary of the Muzhi variety of the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. Yekaterinburg: Basko, 2010.
- Brykina, Sudobina 2005 — M. M. Brykina, A. N. Sudobina. Possessivnye pokazateli v roli diskursivnykh markerov (na materiale nekotorykh uralskikh yazykov) [Possessive suffixes as discursive markers (based on some Uralic languages)]. *Chetvertaya tipologicheskaya shkola (21–28 sentyabrya 2005 g., Yerevan)* [Fourth typological school (21–28 September 2005, Yerevan)]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2005. P. 98–101.
- Bubrikh 1947 — D. V. Bubrikh. *Erzya-mordovskaya grammatika. Minimum* [Erzya-Mordovian grammar. Minimum]. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 1947.
- Bubrikh 1955 — D. V. Bubrikh. *Sovremennyy komi yazyk* [Modern Komi language]. Pt. 1. *Fonetika. Leksika. Morfologiya* [Phonetics. Vocabulary. Morphology]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1955.
- Edygarova 2010 — S. Edygarova. *Kategoriya possessivnosti v udmurtskom yazyke* [The category of possessivity in the Udmurt language]. Candidate thesis. Tartu: Tartu University, 2010.
- Feoktistov 1963 — A. P. Feoktistov. *Kategoriya prityazhatel'nosti v mordovskikh yazykakh* [The category of possessivity in Mordovian languages]. Saransk: Mordovian Book Publishing House, 1963.

- Grashchenkov 2006 — P. V. Grashchenkov. *Sintaksis i tipologiya genitivnoy gruppy* [Syntax and typology of the Genitive Phrase]. Candidate thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2006.
- Kashkin 2008 — E. V. Kashkin. Possessivnoe sklonenie v muzhevskom govore izhemsogo dialekta komi-zyryanskogo yazyka [Possessive declension in the Muzhi variety of the Izhma dialect of the Komi-Zyryan language]. *Nauchnyy vestnik YaNAO*. 2008. Iss. 6 (58). P. 33–46.
- Kokla 1963 — P. Kokla. *Possessivsuffixid mari keeles*. Väitekiri filoloogikandidaadi teadustiku kraadi taotlemiseks. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia. Keele ja Kirjanduse Instituut Press, 1963.
- Kolpakova 1988 — N. N. Kolpakova. *Possessivnost v vengerskom yazyke* [Possessivity in Hungarian]. Author's abstract of candidate thesis. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1988.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2002. No. 55. P. 141–172.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 — M. Koptjevskaja-Tamm. Possessive noun phrases in the languages of Europe. F. Plank (ed.). *Noun Phrase Structure in the Languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. P. 621–722.
- Koshkareva et al. 2017 — N. B. Koshkareva, E. V. Kashkin, Yu. B. Koryakov, O. A. Kazakevich, S. I. Burkova, N. A. Muravev, E. M. Budyanskaya. *Dialektologicheskiy atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamal-Nenets Autonomous District]. Kaliningrad: Rost-Doafk, 2017.
- Kuznetsova 2003 — A. I. Kuznetsova. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deykticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulation of grammatical meanings in agglutinative markers: deictic functions of the possessive in the Uralic languages]. P. Suikhoenen, B. Comrie (eds.). *Mezhdunarodnyy simpozium po deykticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentralnoy Azii* [International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia]. Collection of papers. Izhevsk: Institute for Computational Research, 2003. P. 249–259.
- Ludykova 2010 — V. M. Ludykova. *Imya prilagatelnoe v sintaksise agglutinativnykh yazykov: funktsionalno-kommunikativnyy aspekt* [Adjective in the syntax of agglutinative languages: functional-communicative aspect]. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 2010.
- Mark 1925 — J. Mark. *Die Possessivsuffixe in den uralischen Sprachen* (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Vol. 54). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1925.
- Nekrasova 2002 — G. A. Nekrasova. *Sistema l-ovykh padezhey v perm'skikh yazykakh: proiskhozhdenie i semantika* [The system of l-cases in Permian languages: origin and semantics]. Syktyvkar: Komi Scientific Center of Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2002.
- Nichols 1988 — J. Nichols. On alienable and inalienable possession. W. Shipley (ed.). *In honor of Mary Haas*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. P. 557–609.

- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic. P. Suikhonen, B. Comrie (eds.). *Mezhdunarodnyy simpozium po deykticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentralnoy Azii* [International symposium on deictic systems and quantification in languages spoken in Europe and North and Central Asia]. Collection of papers. Izhevsk: Institute for Computational Research Press, 2003. P. 130–145.
- Pleshak 2015 — P. S. Pleshak. Terarkhiya odushevlennosti i vybor possessivnoy konstruktсии v mokshanskom yazyke [Animacy Hierarchy and Choice of Possessive Construction in Moksha]. E. A. Lyutikova, A. V. Tsimmerling, M. B. Konoshenko (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014”* [Typology of morphosyntactic parameters. Materials of the International conference “Typology of morphosyntactic parameters 2014”]. Iss. 1. Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities Press, 2015. P. 146–164.
- Pleshak 2016 — P. Pleshak. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permian. Talk at 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, 31.08–03.09.2016, University of Naples Federico II, Naples.
- Sazhina 2005 — N. Sazhina. Possessiivsuse väljandamise viisid tänapäevase eesti ja sürjakomi keeles. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2005.
- Sidorov 1945 — A. S. Sidorov. *Prinadlezhnostno-ukazatelnye suffiksy v komi yazyke* [Possessive-deictic suffixes in the Komi language]. Candidate thesis. Syktyvkar: Komi base of USSR Academy of Sciences, 1945.
- Silverstein 1976 — M. Silverstein. Hierarchy of Features and Ergativity. R. M. W. Dixon (ed.). *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: Australian National University, 1976. P. 112–171.
- Simonenko 2014 — A. Simonenko. Microvariation in Finno-Ugric possessive markers. H.-L. Huang, E. Poole, A. Rysling (eds.). *Proceedings of the 43rd annual meeting of the North East Linguistic Society*. Vol. 2. Amherst: University of Massachusetts, 2014. P. 127–140.
- Simonenko, Leontev 2012 — A. P. Simonenko, A. P. Leontev. Morfo-sintaksis imenogo kompleksa v finno-permskikh yazykakh: analiz v ramkakh programmy minimalizma [Morpho-syntax of the noun complex in Finno-Permian languages: analysis within the framework of the minimalism program]. A. I. Kuznetsova et al. (ed). *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formalnyy i funktsionalnyy podkhody* [Finno-Ugric languages: Fragments of a grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2012. P. 262–339.